

ХОЧУ ВЧИТАТЕЛЕ ВИДЕТЬ СОБЕСЕДНИКА

«Уважаемая редакция! Не могу не высказать, какое неприятное впечатление произвела на меня только что прочитанная книга...». «Передайте автору наше сердечное спасибо за его замечательную повесть». Оба письма об одном в том же произведении. Случай в редакционной почте нередкий. Чем объяснить такую неприязнь к оценкам? Особенности художественного восприятия прочитанного? Несхожесть жизненных установок или понимания сущности литературы различными читателями? Эти вопросы стали темой нашей беседы с лауреатом Государственной премии СССР Григорием БАКЛАНОВЫМ.

В книгах, как и в жизни, каждый ищет, наверное, то, что соответствует его характеру. Один — что получится, поприятнее, а другой — что потруднее, что отвечает его желаниям понять причины и следствия, понять, как живут люди на свете, зачем, для чего и почему. Категоричны читатели, которая хочет, чтобы все получше устроилось с героями, и устроилось само собой, значительно.

Я помню, еще в юности читал рассказ Чехова «В овраге». Там две невестки: Аксинья и Липа. Аксинья — то, что называется, кулачка, характер страшный, и рядом кроткая Липа. И вот Аксинья узнает, что наследство отписано младенцу Липы. И дальше такая сцена: Липа стирает, рядом сидит ее ребенок, вбегает Аксинья, хватается ковш с кипятком и обваривает ребенка. Потом написано, какой страшный крик издала Липа и как Аксинья «со своей прежней наивной улыбкой» спокойно ушла в комнату. Я никак не мог понять, как же Липа, мать, тут же не схватила кипятком и не обварила Аксинью или не сделала еще что-нибудь? Хотелось за нее это сделать. И что же Чехов, куда же он смотрел? А он описал жизнь. Да, есть кроткие, безответные люди, как Липа, и есть Аксиньи. Чехов дал мне всю жизнь это помнить и всю жизнь носить в душе. Зло нельзя прощать. Это заложено что-то в моем характере. Во всяком случае передало мне, читателю, то главное, что и хотел передать Чехов: он рассказал о жизни, какая она есть и какой не должна быть. Он вызвал в моей душе протест.

Думаю, что не я один, а многие писатели сталкивались вот с этим наивным желанием читателей не в жизни изменить что-то, а в книге. Не так давно я получил письмо в связи с публикацией моей повести «Навеки — девятнадцатилетние», в которой женщина, ей повесть понравилась, и, видимо, тронула ее, пишет: «Зачем же вы «убили» Володю Третьякова?»

А рядом с этим письмом письма матерей. Прочту несколько строк из одного: «Вечер. Заканчиваем посевную, я и дочь моя, инвалид. Радуемся июню, теплу. На Победу я услышала зозуленку, а вчера соловейка. Вот тогда я особенно остро чувствую, что сына нет, и нет навсегда». И она пишет, что Володя Третьяков напомнил ей сына, благодарит за память.

Так вот в связи с этими читательскими письмами: одна хочет, чтобы в книге было лучше, чем в жизни, а другая хочет хотя бы памяти о ее сыне, который, собственно, и сделал то, благодаря чему мы все сегодня живы и живем. Так что же литература должна — рассказывать желаемое о жизни или самое жизнь? Конечно, правду. Я думаю, все-таки задача писателя — на этом и стояла классическая литература — писать жизнь такой, какой она складывалась, чтобы люди чувствовали в себе потребность и силу изменять ее к лучшему. А если уж что-то не изменишь, как нельзя воскресить погибших, так находили бы в себе силы понимать, что же это было — та Великая Отечественная война, а это был и великий подвиг, и величайшая трагедия нашего народа, и пытались определить свою меру ответственности за то, чтобы подобной трагедии не повторилось.

— Мне кажется, вот это мнение некоторых читателей, что в произведении все должно быть приглаженнее, чем в жизни, должно соответствовать скорее желаемому, чем реальности, объясняется в значительной степени и недостатками нашей критики.

— Я помню, в 50-х годах, когда наше поколение, пришедшее с войны, только вхо-

дило в литературу, каждая серьезная книга, которая несла в себе правду и тот взгляд на войну, который был взглядом солдата, каждая такая книга встречала сопротивление и недоумение критики. «Как же так! Рисовать такие ужасные сцены! На фронте-то они, конечно, были, но в книге?!»

Основная же беда, на мой взгляд, в том, что у нас существует обширная полулитература, серый ширпотреб, который, к сожалению, издается массовыми тиражами и многим заменяет истинное искусство, стоит между читателем и литературой.

Это вредное чтение, потому что такие произведения, не отражая правды жизни во всей ее сложности, противоречивости, приучают читателей не только в книгах желать всяческих «хеппи-эндов», но и в жизни не замечать того, что требует их участия, сострадания, помощи. Такие книги усыпляют совесть, воспитывают людей слепых, жестоких, при этом не сознающих, что они жестоки.

— Когда вы пишете, вы представляете своего читателя, как-то ощущаете на себе его влияние?

— Читателя ощущаешь всегда. Может быть, ты его придумал, может быть, ты его представляешь в соответствии с твоим пониманием человека, с твоим жизненным опытом. Я хочу видеть в читателе собеседника.

Когда мои дети были малы, я не мог еще думать, что они прочтут мною написанное. Но вот они стали взрослыми людьми, и мне было бы стыдно, если бы они должны были стесняться того, что написал отец. Я двенадцать лет вел семинар прозаиков в Литературном институте. Мне было бы неприятно, если бы мои слушатели, теперь это уже писатели, стеснялись того, что я пишу. Это тоже читатели. И есть несколько литераторов, чье мнение мне очень дорого. Я не для них работаю, но это чувство во мне присутствует. За тридцать лет, что я пишу, определился какой-то круг читателей, которые пишут регулярно (есть очень активные и требовательные читатели), и их я имею в виду. Так что вот так, кругами, начиная от близких, знакомых, понятие «читатель» множится. Сюда входят и люди, кого ты не принимаешь. Это тоже твой читатель. Эти читатели писали письма, требуя привлечь меня к ответственности и в связи с повестью «Пядь земли», и в связи с романом «Июль 41 года». Это книги о беззаветном героизме нашего народа, но в них отражены самые тяжелые дни войны и те отрицательные явления, которые усугубляли их драматизм. Так вот эти люди, видимо, имели к тем явлениям какое-то отношение, раз они так всполошились.

— И как вы реагировали на эти жалобы?

— Меня это радовало. Значит, книга достигла своей цели.

— Замечено, что читательский интерес волнообразен, он устремляется то к одному, то к другому: всеобщее увлечение поэзией сменяется, например, повышенным вниманием к произведениям историческим, а через некоторое время на гребне читательской популярности оказывается что-то другое. Действует ли как-то на писателя это читательское непостоянство?

— Действует, на всех действует. Я в этом убедился. Писатель в большой степени зависим от читателя. Читательский спрос бывает, как поветрие. А тебе надо рассказать то, что за тебя никто не расскажет. И ты, может быть, сейчас в менее выгодной ситуации. Знаете, как хочется в этот момент быть самым читаемым! Это не только честолюбие. Литература — дело общественное. И поэтому, если тебя

читают, значит, доходит то, что ты делаешь, а если нет, значит, все впустую. Поэтому волна читательского интереса, направленная в сторону, естественно, как бы притягивает. И тут надо уметь нести в себе свое, писать то, что считаешь нужным.

— Вы сказали, что надо нести в себе свое, то, что за тебя никто не напишет. Если окинуть взглядом ваше творчество, то здесь и военная проза, и повести, рассказы, пьесы о мирных днях, и очерки об Америке, словом, в поле вашего писательского внимания оказывался самый разный жизненный материал, исследовался обширный круг проблем. Как бы вы определили основную стержень, объединяющий все эти столь непохожие друг на друга произведения, то главное, что побуждает вас браться за перо?

— Я все время пишу о том, что человек должен быть человеком. Ни время, ни обстоятельства сами люди не выбирают, они в них живут. Они либо их меняют, либо подчиняются им, но так или иначе человек проявляется в этом полностью. Так вот, я говорю, что в жизни, как бы она ни складывалась, человек должен оставаться человеком. А дальше идут проявления военного времени, мирного времени, глобальные события не отделены от повседневных: какие мы в обычной жизни, такие и в мировых вопросах. Материал — сама жизнь, самые разные ее проявления.

— Существует мнение, что писатель должен изучать жизнь, делать свою биографию.

— Я не понимаю, как можно специально изучать жизнь. Надо жить. Биографию не надо делать. Ее надо иметь. Какую еще нужно делать биографию людям моего поколения, которые в ранней юности пошли на войну, видели страшнейшие события и величайшие события, пережили сложнейшие послевоенные времена и участвовали в них. Вырастили детей. Смотрите, какая жизнь прошла за эти годы! Что ж еще человеку отпущено? По-моему, столько вместил в себя судьба нашего поколения, что только это рассказать — величайшая будет книга. Другое дело, насколько таланта хватит.

Мы как-то с Ю. П. Любимовым, собираясь писать пьесу, поехали на КамАЗ. Знакомились с людьми, со стройкой. Можно сказать, «собирали материал». Все это было очень интересно. А когда стали писать, то поняли, что никуда от самих себя уйти нельзя. И великие писатели писали только через самих себя, только через свою жизнь. Иного написать невозможно. Все остальное не твое будет. Это напишет другой писатель. Потому что все пути героев — это пути и твоих сомнений, твоих предрешений.

— Автобиографичность ваших военных произведений очевидна, лично пережитое ощущается в каждой строке, а если обратиться к вашей последней повести «Меньший среди братьев», то что в этой книге «я о себе тоже»?

— Собственно, в повести «Меньший среди братьев» о чем я писал? О единственной данной нам жизни, которая никогда второй раз дана не будет и которая сама по себе высшее счастье, если прожить ее по-человечески, достойно. И вовсе это не значит, что надо что-то иметь, иметь, иметь. И вовсе не надо, чтобы на тебя кто-то благосклонно взглянул, кого ты не уважаешь. Но почему-то иногда кажется так соблазнительно служить не своему таланту, не человеческое дело делать, а служить каким-то престижным мелочам.

А толчком послужила смерть одного известного человека. Он отдыхал на юге, жена гоняла его по горам,

он вернулся в хорошей форме и вскоре умер от инфаркта. И эта его смерть, и обстоятельства, связанные ней: забота о спортивной форме, диете, другие модные веяния, на которых помешаны сейчас многие (так бы заботились о состоянии души, совсем бы хорошо было), и разные нелепости в связи с этим, и то, что он не сделал, а мог бы сделать, эта суетность его жизни (а если мы посмотрим на себя, то и нашей тоже, разве только его?) — это и было толчком. В книге не отражено ни одной конкретной судьбы, но написана она о многих. И про меня тоже. Потому что все мы не святые. И не там вон где-то грехи, а они в нас. И соблазны тоже в нас. Их так трудно преодолевать в жизни. Это поразительная вещь. Вроде бы они ничего не стоят по сравнению с тем страхом, ужасом, который на войне. Ракете преодолеть земное притяжение и пехотинцу оторваться от земли, когда надо идти в атаку — не знаю, кому труднее. И преодолевали! А соблазны земные, нынешние, смотришь, люди не всегда преодолевать могут, ломаются на них. Каждый из нас все это знает по себе. Ну, один и пошел по этому пути, другой не пошел. Но, не испытав в себе этого искушения, борьбы, написать об этом невозможно.

— Один из ваших героев в повести «Пядь земли» говорит: «Мы воюем за то, чтобы уничтожить всякую подлость, чтобы после войны жизнь на земле была человеческой, справедливой и честной». Но этот бой не был, как мечталось, последним боем, и жизнь на планете пока не стала человеческой, доброй, честной...

— К сожалению, не стала. Ведь после войны впервые возникла вот та странная ситуация, в которой человечество никогда не жило. Я об этом писал в американских очерках. Люди жили с сознанием, что человек смертен, но человечество, род людской — это вечно. А сейчас мы впервые живем с сознанием, что может исчезнуть все. И тогда все лишено смысла.

Это откладывает отпечаток в душах людей. Я думаю, как по кольцам дерева можно определить, какой был год — морозный ли, так и в поколениях людей можно увидеть это кольцо, которое отмечено взрывом атомной бомбы. Человечество как бы отмечено своеобразным излучением, сознанием того, что оно может исчезнуть. И недозволенное стало для многих дозволенным.

Самая война, которая прошла, она ведь не только сделала людей человечнее, но оставила и страшные, кровавые следы. Ну представьте: на одной улице в деревне живут дети полиция и дети расстрелянного этим полицией. Это неразрешимый вопрос. Я не помню, где читал, что недавно в Белоруссии хоронили полиция, который отбыл свой срок, вернулся, работал и вот он помер. Вышел народ и не дал хоронить его на кладбище. Заставили похоронить за кладбищем. Но мы знаем и другое: сегодня за рубежом умирают в почете те, кто повинен в смерти миллионов. Это тоже палагает свой отпечаток на человечество.

Если не будет этой истребительной войны, то когда-нибудь эти кольца еще будут серьезно изучать. И увидят, как это все влияло на людей. А я верю, что войны этой все-таки не будет — перед лицом ядерной угрозы люди на земле многое начинают понимать: посмотрите, с каким вниманием относятся сегодня к нашим мирным инициативам даже те, кто вчера еще заявлял о своем безразличии к политике, к проблемам войны и мира.

Если говорить о литературе, то и сегодня многие писатели и у нас, и за рубежом всматриваются в эти процессы, размышляют над ними, и неизбежно главный вопрос современности — вопрос о мире — становится в их творчестве ведущим. Их книги зовут к действию и адресуются читателю, который хочет понять мир, в котором он живет.

Беседу вел
Н. ЛОШКАРЕВА.